

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЧЕЛОВЕК

образ и сущность

Гуманитарные аспекты

ЯЗЫКИ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА :
КОНТАКТЫ
И КОНФЛИКТЫ

2013

Е Ж Е Г О Д Н И К

Москва

Проблемы человека

Коллектив авторов

**Человек. Образ и сущность
2013. Гуманитарные аспекты.
Языки меняющегося мира:
Контакты и конфликты**

«Агентство научных изданий»

2013

УДК 165: 008 (058)
ББК (15. 13: 71) Я 5

Коллектив авторов

Человек. Образ и сущность 2013. Гуманитарные аспекты.
Языки меняющегося мира: Контакты и конфликты / Коллектив
авторов — «Агентство научных изданий», 2013 — (Проблемы
человека)

Анализируются языковые составляющие происходящих в мире политических, социально-экономических и культурных трансформаций. Активизация межкультурных контактов диктует необходимость по-новому выстраивать отношения между множеством языков, ранее не связанных друг с другом. Как и в других областях культуры, контакты в языковой области создают новые возможности, но в то же время и почву для конфликтов. Для лингвистов, культурологов, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 165: 008 (058)
ББК (15. 13: 71) Я 5

Содержание

Судьбы языков – судьбы людей	5
Статьи	7
Метафизика слова в контексте планетарного языка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты Языки меняющегося мира: Контакты и конфликты Ежегодник

Судьбы языков – судьбы людей

С.А. Ромашко

Предисловие

В историческом измерении мир языка был всегда многообразен. Насколько мы можем судить, первоначальное освоение земного пространства человеком сопровождалось активными процессами этно- и глоттогенеза, дроблением человечества на все новые этнокультурные и языковые общности. Все особенности раннего состояния человека способствовали обособлению на обустроенной, относительно небольшой территории. Однако уже первые попытки формирования более сложных общественных структур приводили к необходимости преодоления этой пестроты культур и наречий.

Экономика, политика, вера, искусство, образование – развитие во всех этих сферах предполагало выход за пределы малых территорий непосредственного общения. С появлением дальних торговых путей, государств и религиозных движений возникает и необходимость нахождения общего языка, без которого невозможны установление контактов и организация совместных действий. Переводчик, писец, учитель становятся важными элементами надрегиональной жизни. Благодаря им появляется возможность заключать договоры, устанавливать нормы, распространять знания. В какой бы форме ни происходило интеграционное движение, оно неизбежно порождает и новые возможности общения: за фалангами и конкистадорами, за купцами и миссионерами шло и языковое движение в самых разных областях Земли. Возникновение надрегиональных, международных языков отмечается на протяжении тысячелетий: от аккадского до китайского, от греческого и латинского до арабского и суахили.

Интеграция и дифференциация в языковой сфере, как и в других измерениях человеческой жизни, присутствовали постоянно. Движение шло то в одну, то в другую сторону. Великое переселение народов и Крестовые походы, движения степных кочевников, Великие географические открытия, религиозные войны и формирование национальных государств – каждый раз движение шло то в сторону обособления, сосредоточения на родном языке и родной культуре, усвоенных с детства, то в сторону расширения возможностей общения на широких пространствах, открытости миру.

Два последних столетия привели к появлению действительно всемирных, глобальных систем коммуникации. Сообщения практически мгновенно облетают земной шар и позволяют огромным массам людей пассивно или активно принимать участие в самых различных процессах. Задача нахождения общего языка – в прямом и переносном смысле – оказывается как никогда актуальной. Но и потребность в своем языке у человека исчезнуть не может.

Старые формы дифференциации языковых пространств уходят. Традиционные диалекты существуют во многих случаях уже разве что в справочниках и атласах. Всерьез говорится о перспективе вымирания значительного количества языков. Интернационализация в некото-

рых сферах деятельности (прежде всего в экономике и технике) достигла невероятных масштабов. Но было бы ошибкой полагать, что человек сможет отказаться от разнообразия в мире языка (как и в других областях человеческой жизни). Строго говоря, у каждого человека – свой язык. Поэтому даже общение двух людей, говорящих на одном языке, предполагает своего рода перевод. Тем более это касается групп людей, образующих те или иные общности, возрастные, гендерные, профессиональные, социальные, конфессиональные. На смену старым формам дифференциации языка приходят новые. Меняется и общий контекст: в результате глобализации возникает потребность в более активных наднациональных контактах, миграционные процессы становятся более активными, изменения постоянно ускоряются. Правовые нормы и модели поведения не успевают за происходящим. В прямое и активное соприкосновение приходят народы, культуры и языки, которые ранее могли быть разнесены в пространстве так, что о каких-либо существенных контактах и думать не приходилось. Как и в других случаях, подобные резкие сдвиги могут порождать и новые возможности, и новые проблемы.

Язык и в этом новом, постоянно усложняющемся мире сохраняет значение необходимого компонента человеческой культуры. Он необходимый участник событий и в то же время свидетель, сообщаящий нам о том, что происходит. В этом выпуске ежегодника предлагается взглянуть на некоторые процессы современной культурной жизни через призму языка во всех его измерениях.

Статьи

Метафизика слова в контексте планетарного языка

Л.В. Скворцов

В условиях интенсификации глобализационных и миграционных процессов возникают острые проблемы культурной и языковой адаптации. Вместе с тем новые импульсы получает дискуссия о *сущности и функциях Слова*.

Исторически с толкованием сущности слова связывалась истина бытия.

Христианская эра утверждает божественную сущность Слова как начала истинного бытия, в котором заключена жизнь как «свет человеков»¹. Соответственно рождается представление о реальности универсального нравственного ориентира истинного бытия. Его эмпирическим воплощением становится *мир святых*. Следуя его примеру, человек преодолевает свою конечную сущность, греховную ограниченность и приобщается к бесконечности.

Слово указывает путь человеку от конечности существования к бесконечности Бытия.

Эра Просвещения формирует культ Разума. Истина Слова обретает характер универсалий как ориентира *служения человечеству*. Это – путь преодоления индивидом своей личной ограниченности и сохранения себя в памяти истории. Формируется новая эпоха – *эпоха героев*, личностей, которые в служении универсальным общечеловеческим ценностям – свободы, равенства, братства, – в следовании требованиям категорического императива как *универсального закона* морали видят *истинный смысл жизни*. Конечная цель эпохи героев – свобода всех.

Эра информационного общества придает легитимный характер *правам человека* как индивида, ставящего свою личную свободу в центр Бытия. Истина слова реализуется в сообщениях межличностных коммуникаций. Слово начинает повсеместно утрачивать свой сакральный смысл. Индивидуальная свобода оказывается в центре истинного Бытия. Эту ситуацию можно отождествлять с исходом философского представления о конечной стадии мировой истории как переходом от свободы одного и свободы некоторых к свободе *всех*.

Торжество свободы всех олицетворяет гомосексуальная пара и торжественные парады представителей однополых браков. Значит ли это, что эра святых и эра героев подошли к своему «концу»?

Ответ на этот вопрос может отчасти дать языковая политика, проявляющая отношение общества и государства к заботе о чистоте, сакральном и универсальном смысле слова.

1. Языковая политика: Проблема смысла

Оценивая влияние Слова на характер человеческого бытия, приходится задаваться вопросом, который возникает в ситуации глобализации: что следует ожидать от смешения языков? Хаоса межнациональных, межэтнических отношений, которые возникли, согласно Библии, уже при строительстве Вавилонской башни? Или, напротив, мы должны ожидать рождения духовной гармонии, о которой мечтают лучшие умы человечества? Интенсификация миграционных процессов имеет доминирующее направление: от демографически «переполненных» и менее экономически развитых регионов в страны экономически более развитые, с экономически состоятельными классами, способными оплачивать непривлекательные для

---

¹ См.: Иоанн 1: 4. Здесь и далее цитаты приводятся по синодальному изданию. – Прим. авт.

них виды труда. Этот процесс имеет свои негативные социальные, а значит, и политические последствия.

Языковая проблема в этих процессах становится в известном смысле *критической*. Язык может превращаться в средство формирования замкнутых, эзотерических групп населения, внутри которых могут созревать самые различные намерения и практические планы, от создания сектантского эзотеризма и духовной самоизоляции до уголовной и террористической активности.

Самоизоляция является почвой для круговой поруки, а значит, и для осуществления незаконной деятельности в самых различных формах – от применения механизмов насилия до наркоторговли в массовых масштабах. Параллельно с этими процессами наблюдаются стихийные процессы языковых смещений, которые также дают неоднозначные результаты. Особенно наглядно эта неоднозначность наблюдается в космополитических мегаполисах, таких как Нью-Йорк, Лондон, Париж. Эти проблемы возникают и в Москве. Мы теперь становимся «как все».

В Нью-Йорке, например, можно встретиться с обычным явлением, когда человек, изучивший классический английский язык – English-English, не сможет понять завсегдатая Таймсквера, изъясняющегося на местном сленге, с его специфическим произношением и употреблением слов.

Возникает и другой вопрос: что следует ожидать от смешения языков? Рождение универсального или нового локального языка? Известен феномен *креолизации*, т.е. рождения нового языка, происходящего из смешения европейских языков с местными языками Южной и Северной Африки. Сегодня термин «креолизация» даже входит в авторитетные словари. Так, в «The Concise Oxford Dictionary» «Creole» трактуется либо как личность, являющаяся результатом смешения выходцев из Европы с представителями черного населения, либо как основной язык, возникший из контакта европейских языков, особенно английского, французского или португальского, с другими, особенно африканскими языками. Креолизация (creolization) и понимается как формирование такого языка².

Процессы смешения языков, приводящие к формированию нового языка, происходили и на территории России. Характерно в этом отношении возникновение на Украине *суржика*, простонародного языка, ставшего следствием долговременного контакта украинско-русского двуязычия, – явления проникшего во все сферы общественной жизни, в том числе и в художественную литературу³.

Все это – реальные языковые процессы в условиях их свободной эволюции.

Вместе с тем становится все более актуальным вопрос: нужна ли в условиях демократии государственная языковая политика? Ответ на этот вопрос во многом зависит от конечных результатов стихийного языкового взаимодействия.

Общество встречается с фактом все более широких масштабов процессов, затрагивающих не только сферу межэтнических отношений, но и молодежную культуру, различные профессиональные и социальные группы населения. Что будет происходить с *культурой* общества, если *эти* специфические языки станут доминировать в общественном сознании и формах межличностной коммуникации?

Так, например, можно ли на продуктах языковой креолизации или суржика излагать истины современного естественнонаучного и гуманитарного знания? Подходит ли для этого языковой диапазон молодежной культуры или современных сленгов, возникающих в различных сферах межличностной коммуникации?

Если появляется озабоченность относительно возникающих языковых угроз, то рождается и *защитная реакция*, утверждающая необходимость формирования *внутренних ограни-*

---

² См.: The concise Oxford dictionary. – 9th ed. – Oxford, 1995. – P. 317.

³ См.: Культурология: Дайджест. – М., 2012. – № 4 (63). – С. 268–269.

чений, обеспечивающих *чистоту* основного языка, удерживающего в себе позитивные результаты его исторического обогащения и совершенствования.

Исходная предпосылка этой реакции – *ИНТУИЦИЯ*, т.е. непосредственное внутреннее знание, бездоказательное убеждение в том, что именно историческое становление и развитие языка включает данное общество и его народ в качестве составной части мировой культуры, соединяя его специфическую форму с высшими достижениями культуры и универсального знания.

Такое соединение воспринимается как необходимое и достаточное условие интеллектуального и нравственного *комфорта духа*. Но идет ли речь о комфорте духа культурной элиты общества или нации как единого целого? Иными словами, следует ли проявлять озабоченность о национальном языке как орудии духовной консолидации и взаимного понимания людей в реальной их социальной коммуникации?

Можно предположить, что верный подход состоит в создании условий все более широкого влияния *культуры языка* на самые широкие слои населения общества.

Очевидно, что национальная форма языка наиболее близка и наиболее удобна для человека в формировании понимания окружающего мира. Достижения универсального знания, фиксируемые в языковой культуре, обеспечивают органическую связь общества с техническим, экономическим, социальным, нравственным, эстетическим, интеллектуальным прогрессом. Комфорт духа нации и его сохранение предполагают интуитивную выработку конкретных механизмов защитной реакции, гарантирующей от *профанации языка*.

Механизмы защитной реакции имеют две основные формы: удержание и сакрализация образцовых художественных текстов, их популяризация и внедрение в программы обучения, начиная с детского возраста. Это универсальный процесс, предполагающий не только сохранение отечественных образцовых текстов, но и активную переводческую деятельность, открывающую горизонты всей мировой культуры.

Реализация этих механизмов предполагает соответствующий уровень *самосознания* культурной элиты страны и государственного руководства.

Вторая форма включает в себя адаптацию понятий и категорий универсального научного знания к национальному языку, обеспечивающему создание научных текстов и реализацию образовательной деятельности во всех основных сферах естественно-научного и гуманитарного знания. Успех в реализации этой формы адаптации универсального научного знания предполагает наличие определенного уровня лингвистической культуры научного сообщества.

Интенсификация процессов глобализации порождает целый комплекс языковых проблем, вызванных необходимостью комфортной коммуникации в связи с возникающими качественно новыми тенденциями в торговом, экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Человек, свободно ориентирующийся в современных межнациональных отношениях, – это «гражданин мира». Каким образом он преодолевает языковые барьеры, как потребность в их преодолении влияет на его отношение к иностранным языкам? Как вообще должна трактоваться в современных условиях космополитическая ориентация в контексте национальной государственной политики? Как эта ориентация влияет на перспективы национальной культуры, основанной на чистоте национального языка?

Доминирование в общественной жизни высокого качества языка, обеспечивающего свободу для комфорта духа, определяется формированием и реализацией языковой политики государства.

Очевидно, что адекватная политика государства должна опираться на фундаментальное знание того, с чем она имеет дело. Состав любого языка образует *Слово*. Но что такое слово, как формируется его сущность, из чего состоит его *субстанция*?

Если политика не опирается на знание субстанции слова, то как она может адекватно влиять на языковые процессы? В этом случае влияние может давать неожиданные результаты.

Какую политику проводить: политику языковой изоляции, чтобы избежать вредных влияний, или политику языковых смешений, чтобы находиться в русле универсальной мировой культуры?

Можно ли здесь проводить аналогию с манипуляцией материальными субстратами?

Если со знанием дела осуществляется манипуляция с химическими веществами, то можно получить массу полезных продуктов не только для промышленного производства, сельского хозяйства, но и для быта.

Но можно и создать такую смесь, которая поднимет на воздух огромное сооружение.

Мастерство парфюмера и кулинара зависит от умения «смешивать» различные материальные составляющие. Это – особый дар, умение найти из бесконечного многообразия возможностей именно ту, которая вызовет восторженное отношение дам или приглашенных на праздник гостей. А как обстоит дело с языковыми смешениями? Общество испытывает на себе амбивалентные результаты процессов стихийного смешения языков. Подчас кажется, что мы уже живем в другой стране, если судить по уличному говору и рекламам. Какой же лингвистический парфюмер или шеф-повар готовит нам это языковое блюдо? Или же это – действие стихии?

Но как осуществлять разумную языковую политику, если нет знания субстанции слова, т.е. того, что мы смешиваем? Вопрос: имеем ли мы это знание? Нам кажется, что мы имеем это знание, поскольку пользуемся словами, чтобы высказать свою точку зрения, комплимент или подвергнуть кого-либо той или иной критике. Иными словами, мы знаем, что *слово действует на человека*. Но когда мы зададимся вопросом, «что такое слово?», то получим самые разные ответы либо отказ давать ответ на этот вопрос.

Но разве лингвистическая наука не давала свой ответ на этот вопрос?

2. Теургия слова

Сильвейн Бромбергер (Массачусетский институт технологии), отмечая тот факт, что в области лингвистики была проведена лучшими умами великолепная исследовательская работа, вместе с тем признает, что в понимании сущности слова необходим прорыв, который позволит понимание слова включить в число более точных и теоретически регулируемых. И здесь многое предстоит еще сделать. Наиболее интересное его замечание состоит в том, что «философы могли бы быть наиболее полезными в этой работе»⁴.

Замечание Бромбергера может показаться странным и даже загадочным, поскольку сам он относится к числу теоретиков, которые склоняются к дальнейшим *эмпирическим* открытиям, к большей *унификации* лингвистических дисциплин, к теоретическим инновациям, которые обращены к *конкретным* фактам, а не *абстрактным* идеям. Он призывает и философов повернуть свои метафизические бинокли и более внимательно посмотреть на факты. Хороший призыв. Но ведь сам Бромбергер признает, что европейские философы внимательно изучали факты, относящиеся к слову, по крайней мере с IV в. до н.э. (Панини).

Вместе с изучением фактов рождалась и **метафизика** слова. Уже начало Евангелия от Иоанна можно считать одной из метафизических интерпретаций слова. Она требует своего специального осмысления, поскольку выводит слово из ряда обычных материальных *вещей* и обычных *идей*, сближая слово со *светом*, также необычной реальностью, имеющей отношение к прояснению характера и смысла окружающей человека действительности. Это – свет, открывающий истину как всеохватывающую реальность логоса, т.е. разумную сущность мира.

Это – определенная *философия* слова, и не случайно Гегель подходил к Иоанну именно как к философу, обладающему не только верой, но и рациональной универсальностью позиции.

---

⁴ См.: Bromberger S. What are words? // J. of philosophy. – N.Y., 2001. – Vol. 108, N 9. – P. 503.

В XX в. мы сталкиваемся с попытками соединить слово в единое целое с различными видами искусства, с тем чтобы добиться не только постижения, но и построения истинного Бытия и тем самым вооружить человека с помощью слова механизмами управления *универсумом*. Человек хочет создать универсум, соответствующий его собственному идеалу Бытия. И это кажется возможным, если сущность *Бытия* совпадает с сущностью слова, образующего исходное основание культуры.

Характерно, что Россия, с ее склонностью к экстремальным формам определения истины применительно к бытию человека, стала родиной доктрин, прокладывающих путь к утверждению теургической роли духа, который получает свою реализацию в различных формах как словесного, так и музыкального искусства. Музыка стала восприниматься как раскрытие сакрального смысла слова, творческой энергии, управляющей движением и гармонией универсума.

Концепция дематериализации внутренней сущности универсума нашла свое отражение в тайной доктрине Е. Блаватской, – есть «Бесплотный человек, содержащий в себе Божественную мысль, зародитель света и жизни, по выражению Филона Иудея. Он назван “Пламенеющим Драконом Мудрости”, потому что... он есть то, что греческие философы называли Логосом, Глаголом Божественной мысли». Сущность проявленной мудрости выражается в слове *Oeahoo* – эзотерическом термине, означающем шесть в одном или мистическую семерку⁵. Эзотерическое Слово играло ключевую роль в творчестве композитора А. Скрябина: в известном произведении «Прометей» он использовал хоровое звучание Слова, превращая его в нечто большее, чем музыка, – в явление звуковой магии и феномен светомузыки.

Опубликованная в 1911 г. партитура называлась «Прометей. Поэма огня». «Прометей» был этапом на пути создания «Мистерии»⁶, в которой теургическая мощь композиции должна была проявиться в полную силу.

Таким образом возникало единство слова и музыки, аккорды которой порождали определенную цветовую атмосферу. По мнению психологов, А. Скрябин обладал «комплексной синтетической чувствительностью» (А.Р. Лурия). У людей, обладающих такой чувствительностью, звуки могут вызывать не только цветовые, но даже и вкусовые впечатления. Феномен светомузыки позволил Андрею Белому утверждать, что «симфоническая музыка является знаменем, указывающим путь искусства в целом и определяющим путь его эволюции»⁷.

На своеобразие музыкального творчества А. Скрябина обращал внимание А. Блок. Александр Блок, Андрей Белый, Вячеслав Иванов рассматривали проблемы синтеза искусств с позиций философии «всеединства».

Андрей Белый в своем трактате «Глоссалия» расшифровывал звуки отдельных букв в различных цветовых выражениях: «а» – как белый, «е» – как желто-зеленый, «и» – как синий с соответствующими смысловыми интерпретациями.

Синтетические тенденции наблюдались и в живописи.

В западном искусстве принципы ассоциативной поэтики разрабатывались Эдгаром По, Шарлем Бодлером, Полем Верленом.

Таким образом развитая культура, отпочковавшаяся от нее формы искусства начинают обнаруживать свое скрытое единство, заключенное в Бытии Слова, как совпадения формы, звука, гармонии и смысла. Эта тенденция важна с *когнитивной точки зрения*, поскольку позволяет выявить *исходное* в субстанции слова и его культурологический потенциал.

Вместе с тем становится понятным и исток *мистерии* духа как следствия отождествления смыслового творения Слова с универсумом культуры и многообразием форм искусства.

---

⁵ Блаватская Е.П. Тайная доктрина: Синтез науки, религии и философии. – Цит. по: Лобанова М. Теософ, теург, мистик, маг: Александр Скрябин и его время. – М., 2012. – С. 286.

⁶ См.: там же. – С. 257.

⁷ Белый А. Символизм. – Цит. по: Лобанова М. Теософ, теург, мистик, маг: Александр Скрябин и его время. – М., 2012. – С. 252.

Универсум культуры – это мироздание человека – мир форм, звуков, цветов и смыслов, – в контексте которого и раскрывается субстанция слова, как образующего элемента «материи» языка.

Представляется парадоксальным, что именно в то время, когда позитивизм утверждал свой антиметафизический анализ сущности слова и всей истории философии, относя представления метафизики к ареалу не имеющих смысла символических упражнений, в реальной жизни с небывалой силой проявилась теургическая мощь слова в сочетании с различными видами искусства, поднимая массы людей на создание новых реалий жизни. Вместе с тем мир был ввергнут в эру революций, гражданских и мировых войн. Слово оказывается связанным с онтологией спекулятивного мира и может быть виртуальным заблуждением, рождающим мистику массового действия с неоднозначными цивилизационными последствиями. Чтобы избежать фундаментальной цивилизационной ошибки, необходимо дать эмпирическую интерпретацию Слова, опустить слово «с неба на землю».

3. Дилеммы эмпирического истолкования сущности слова

Эмпирическое истолкование сущности слова весьма привлекательно, поскольку оно соответствует научной ментальности, чуждой произвольного фантазирования.

Но в этом случае исследователь должен отчетливо представлять, что составляет сущность «материи» слова, т.е. его исходной реальности, которая может быть предметом эмпирического анализа и практической апробации.

Как оказывается, сущность «материи» слова *исчезает в многообразии своих форм*.

Слово можно идентифицировать как физическую реальность *голоса*. И в этом случае исследование должно обратиться к анализу действия голосовых связок, анатомии и физиологии ротовой полости и дыхательных путей, тонкостей работы языка и губ и т.д. Значит ли это, что изучение всех этих фактических составляющих и даст адекватное и исчерпывающее понимание «субстанции» слова? Очевидно, что таким путем понимания получить нельзя. Но тогда можно обратиться к рассмотрению субстанции «материи» слова как *письменности*. Слово реально обретает свою письменную форму и соответствующее содержание. При этом оказывается, что исторически возникают различные виды письменности – клинопись, иероглифическая письменность, виды алфавита, такие как латиница и кириллица, язык азбуки Морзе, азбуки Брэйля, язык шифров слов и т.д.

Но что представляет собой то общее, что характеризует *субстанцию Слова*, которая может проявлять себя в столь многообразных формах письменности? На этот вопрос нет ответа в анализе самих форм письменности. Возможен ли подход к эмпирии слова не со стороны «материи», а со стороны идеальной формы – *знания*? По-видимому, возможен, но и здесь мы сталкиваемся с проблемой плюрализма форм. На самом деле формы знания качественно отличаются. Существует мифологическое, религиозное знание, знание философское, знание научное – экспериментальное и математическое. Существует знание в форме самосознания. Но что составляет «субстанцию» слова как знания? Это, конечно, *Истина*. Если формы знания воплощаются в слове, то они претендуют на выражение Истины. В истине заключена сила воздействия слова. Но как идентифицировать истины мифологии и религии с истиной экспериментального знания? И как выявить «субстанции» истины из многообразия ее форм?

Проблема кажется более доступной для своего решения, если Слово идентифицируется как *Речь*. Речь может видеться в качестве *субстанции Слова*, в которой начинают соединяться идеальное содержание знания с материей звука. Именно поэтому изучение речи оказывается ключевой задачей, имеющей практическое значение в общественной жизни.

Но нельзя не видеть и качественных различий речи: речь ребенка, речь повседневных коммуникаций, речь актера, речь политического или общественного деятеля, речь ученого –

все это виды речи, в которых слово имеет разное качество. Уникальным качеством обладает речь как *пение* – оперное пение, пение эстрадных певцов, хоровое пение, любительское пение.

Имеется ли общая субстанция слова во всех видах речи и в чем она состоит?

Как представляется, Слово обретает очевидную общность в том, что можно условно назвать «архивом» времени. Это – документы, книги, статьи, дневники, рукописи, тексты художественной литературы и т.д. Везде используются слова, и слово играет роль *Фиксатора сознания Времени*, которое обретает тем самым свою *константность*.

Время в форме фиксированных слов может становиться предметом исследования, фактором формирования духовной традиции, т.е. цивилизованной действующей константой, влияющей на общественное сознание, духовный мир человека и образ его жизни. И в этой своей сущности Слово может становиться краеугольным камнем религиозного сознания. Вот что говорит Иисус Христос: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»⁸. Константным цивилизационным смыслом слова, заключающим в себе универсальные нравственные ценности, определяется *функция хранителя слова*. Выполнение этой функции зависит от правильного понимания того, как образуется константный смысл слова и как он сохраняется и изменяется в исторической динамике.

Вокруг этой проблемы в последнее время разворачиваются все более активные концептуальные дискуссии, что безусловно связано с жизненными процессами межкультурной коммуникации, оказывающей все более заметное влияние на языковую ситуацию в различных регионах современного мира.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на обстоятельную публикацию Джона Хоуторна (Оксфордский университет) и Эрнеста Лепори (Университет Рутгерса) «О словах»⁹. Рождение этой публикации связано с концептуальной реакцией на позицию Давида Каплана, сформулированную в ряде выступлений на азиатских, европейских и американских международных конгрессах. Позиция Каплана была первоначально сформулирована в 1990 г. в его статье «Слова»¹⁰.

Хоуторн и Лепори обращают внимание на два вопроса, поставленные в статье Д. Каплана:

- 1) при каких условиях два выражения выражают одно и то же слово;
- 2) что такое слова?

Эти вопросы, считают они, долгое время не привлекали внимания философов и лингвистов, хотя они являются фундаментальными для философии языка и лингвистики.

Каплан исходит из того, что существуют две основные модели отношений между словами – знаками и различными физическими объектами. Знаки являются знаками слова. А идентичность слова начинается либо с *орфографической* либо с *фонетической* формы.

Идентичность орфографической формы слова определяется порядком букв в слове и наличием или отсутствием интервалов между буквами. Например, английское слово «dog» означает собака. Но если мы переставим те же самые буквы и напишем «god», то идентичность слова исчезает, оно обретает совсем другой смысл.

Можно игнорировать орфографию при определении идентичности слова и обращать внимание только на звуки, на последовательность фонем. Эта тенденция уходит своими корнями в позицию Аристотеля, который считал написание слова простым заменителем его звучания. Вместе с тем одно и то же слово как в своем звучании, так и в форме написания может иметь несколько значений. Например, в словаре В. Даля слово «**прелесть**» имеет значение «обольщения», «обмана» и в то же время «изящества», «красоты»¹¹. Или возьмем в качестве

---

⁸ Марк 13: 31, Луки 21: 33.

⁹ См.: Hawthorne J., Lepore E. On words // J. of philosophy. – N.Y., 2011. – Vol. 108, N 9. – P. 447–485.

¹⁰ Kaplan D. Words // Aristotelian society supplementary. – N.Y., 1990. – Vol. 64. – P. 93–119.

¹¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1980. – Т. 3. – С. 393.

примера английское слово «nick» – знак идентичности. Оно может быть существительным – a prison (тюрьма) и глаголом – steal (красть), catch (схватить)¹². Вторая модель, к которой и склоняется Каплан, является стадийно-продолжающейся (stage-continuant). Согласно этой модели слова – долгоживущие объекты, на основе которых могут возникать ответы краткоживущие, – это высказывание и написание.

Хоуторн и Лепори считают, что это – позиция метафизики, полагающая, что слово – это *константа* с разнообразием высказываний и написаний. Конкретное написание и высказывание слова становятся составной частью пространственно-временного континуума, в котором сохраняется идентичность слова. Идентичность слова можно рассматривать по аналогии с идентичностью личности: человек – это слияние стадий его личности.

Таким образом, Каплан придерживается модели, которая предполагает сохраняющееся *основание слова* (как основание личности) при возможных его внешних модификациях.

Но как возникает это основание? Оно может возникать в той исходной точке, в которой звучание слова «привязывается» своим смыслом к обозначаемому объекту. Этот смысл и должен сохраняться *неизменным* при всех эмпирических модификациях слова.

Это значит, что эмпирические модификации слова не могут играть существенной роли в определении его «субстанции».

С этим и не соглашаются Хоуторн и Лепори.

Хоуторн и Лепори считают модель Каплана неудовлетворительной, поскольку представление о сохраняющемся слове как архипелаге высказываний не может соответствовать тому модельному профилю, с которым слово ассоциировалось вначале¹³. Они также отмечают, что модель, которую предлагает Каплан, не охватывает особенностей изменения идентичности слова в ситуации *его морфемных* различий. Морфемы позволяют формировать разнообразие смыслов слов. Так, например, в английском языке приставка «un» может коренным образом изменить смысл слова «happy». «Unhappy» – это качественное изменение смысла. Многократное изменение смысла может происходить при использовании приставки anti- (missile, anti-missile, anti-anti-missile). В итоге могут возникать слова, которые не имеют для себя обозначаемого объекта в реальной действительности.

Реальность таких слов не находит достаточно убедительного объяснения в модели Каплана, которая требует обязательной реальности того исходного объекта, который и обозначается словом, и обеспечивает сохранность его смысла. Проблема объяснения возникает и в том случае, когда имеются в виду **невывказанные слова**.

Каплан считает, что мир не соприкасается с невысказанными словами, тогда как в действительности может быть внутренний поток слов, которые не реализуются в открытых высказываниях. Хоуторн и Лепори предлагают абстрактно-артикуляционную (abstracta-articulations) модель, в соответствии с которой образование слова не обязательно нуждается в *исходном основании* своей идентичности. Морфемы не имеют содержательной идентичности, но их применение формирует содержание новых слов. Оказывается, что сама по себе абстрактная сущность словообразования может порождать смысл слова. И это, как кажется, «торпедует» модель Каплана.

Критика модели Каплана в конечном счете завершается выдвижением абстрактно-артикуляционной модели, которая легитимизирует рождение идентичности слова из спекулятивной в своей сущности комбинации абстракций. Но это – очевидная легализация метафизики Слова. Очевидно и другое. Сама по себе спекулятивная метафизика абстракций не проясняет проблему смысла. На самом деле, казалось бы абстрактное сочетание морфемы «un» со словом «happy» рождает совершенно новое слово – «unhappy». Но если мы в морфеме заменим

---

¹² См.: The concise Oxford dictionary. – 9th ed. – Oxford, 1995. – P. 918,

¹³ См.: Hawthorne J., Lepore E. On words // J. of philosophy. – N.Y., 2011. – Vol. 108, N 9. – P. 453.

букву «и» на «о», то не получим нового слова. Аналогичным образом, заменяя четыре буквы «anti» четырьмя буквами «from», мы не получаем смыслового сочетания – from-missile, from-from-missile или какого-то нового слова. Это значит, что абстрактно-артикуляционная модель перестает действовать, как только она абстрагируется от *реального* языкового становления, в значительной мере «привязанного» к относительно константным смыслам звукового или письменного выражения слов. Если бы эта связь не имела значения, то тогда слова возникли бы путем использования произвольных статистических сочетаний отдельных букв или произвольно составленных буквенных блоков.

В концепции Каплана ключевое значение имеет понятие «повторение»; это понятие он определяет как центральное. Поскольку одно и то же слово исторически может исполняться различным образом по форме своего *написания* и по *звучанию*, то Ка-план вводит понятие интенционального повторения (intentional repetition), которое фиксирует внутреннее стремление повторения того однозначного смысла, который начинает воспроизводиться иначе сравнительно с его первоначальными формами произношения и написания. Интенция играет конституитивную роль: что бы ни выходило из-под пера или из гортани рта индивида, он будет исполнять *то же самое слово*. Хоуторн и Лепори выдвигают экстремальные примеры, ставящие под сомнение концепцию повторения и конституирующей роли интенции. Они утверждают, что, например, когда англичанин видит последовательное сочетание четырех букв – «в», «а», «в» и «у», – то он произносит «baby», что означает ребенок, не потому что он *вспоминает* смысл этого слова. Он фиксирует его смысл непосредственным образом, здесь и сейчас. Однако это суждение не представляется корректным. Англичанин знает смысл соединенных вместе этих четырех букв именно в такой последовательности. Поэтому их смысл возникает непосредственным образом здесь и сейчас. Если англичанину предложить в английской транскрипции буквы «d», «i», «t», «y», «a» (ditya – дитя), что также означает «baby», то он, если не знает русского языка, вряд ли расшифрует его смысл.

Концепция Каплана обнаруживает свое практическое значение в условиях, когда приходится иметь дело с массовыми искажениями языка при изменении акцентов, грамматических правил и т.д. и т.п.

Конституитивная роль интенции продолжает действовать, и она улавливается в процессах практической коммуникации. Иначе было бы невозможно объяснить взаимное понимание друг друга иммигрантами и коренным населением, иностранными туристами, весьма приблизительно произносящими иностранные для них слова, и местными жителями.

Слабое место концепции Каплана обнаруживается в толковании сущности имен собственных. Каплан, исходя из своей доктрины, полагает, что имя собственное имеет единственное генетически-изначальное происхождение. Иными словами, имя каждого индивида относится *только* к нему, получившему его при рождении.

Проблема возникает тогда, считают Хоуторн и Лепори, когда одно и то же имя относится к разным личностям: *John Donne* и *John Travolta* – здесь одно и то же написание и одно и то же звучание в одном и том же языке, в данном случае английском, относятся к совершенно разным объективностям, личностям, разным индивидуальностям. И это не вызывает ни у кого какого-либо смыслового напряжения. Почему?

Если действительное наименование осуществляется во внутреннем языке («I-language»), то тогда мы имеем два разных наименования, хотя они имеют одинаковую форму во внешнем языке. Но тогда мы можем допустить и такую ситуацию, когда два разных слова во внешнем языке могут означать одно и то же применительно к языку внутреннему.

В качестве объяснения этого феномена предлагаются два возможных варианта. Имя может быть следствием любого события, в котором осуществлялось присвоение имени. Скажем, имя *Johnny* могло даваться *ребенку* во время акта крещения. Но это же имя могло даваться и яхте, которая уходила в плавание.

Идентификация происходит посредством рассмотрения *каузальной цепи* коммуникации (трансференции). Это значит, что нужно пройти по цепи каузальных связей *до начального события*, которое фиксирует связь данного наименования с этим начальным событием.

Таким образом, правильное употребление слов оказывается связанным с определением *критерия идентичности*.

Можно говорить о двух критериях идентичности слов. Первая форма относится к явлениям *одного и того же домена*. Явления идентичны, если они состоят из одинаковых составных частей. Или события идентичны, если они имеют одни и те же причины и одни и те же следствия.

Вторая форма относится к *различным доменам*, но находящимся в определенной взаимной зависимости. К ней относится *критерий идентичности Фреге* для направлений и чисел. Так, например, две линии идентичны в своей направленности, если они параллельны. Или два класса объектов обозначаются одним и тем же числом, если они оказываются в отношении друг к другу как один к одному.

Применительно к слову эти критерии могут выглядеть следующим образом. Слово a_1 и слово a_2 имеют в основе *одно и то же событие*, их породившее, где порождающее событие совпадает с первым исполнением слова. Вторая форма идентичности может выглядеть следующим образом: слова a_1 и a_2 идентичны, если невозможно, чтобы исполнялось a_1 и при этом не исполнялось a_2 . Однако эта форма представляется неадекватной, поскольку при наличии двух разных слов исполнение a_1 не обязательно влечет за собой исполнение a_2 .

Если слово заменить интенцией, то идентичность интенции может вступать в парадоксальное противоречие с ее внешней реализацией. Например, когда мы имеем исполнение одной и той же песни разными исполнителями, то можем считать их интенции идентичными. Однако исполнение эстрадной песни, скажем, Муслимом Магомаевым, и «исполнение» безголосым «певцом» той же песни, похожим на мычание, признать идентичными невозможно.

Хоуторн и Лепори склоняются к тому, что применительно к слову можно использовать тот же критерий идентичности, который применяется в отношении к танцам и играм.

Община всегда достаточно точно оценивает идентичность исполнения традиционных для нее танцев, несмотря на известные нюансы творчества конкретных исполнителей. Она способна отличить новый танец от старого танца в новом одеянии. Однако как эта ситуация может относиться и к слову? Трудно определить, когда было впервые исполнено то или иное слово и в каком контексте.

Например, в употреблении в английском языке двух слов – «тоап» (хрюканье) и «теап» (огрубление звучания мелодии) – с одинаковой степенью правильности считается, что это *одно и то же слово*, но правильным считается и то, что в данном случае используются *разные слова*.

Здесь и открываются возможности различных философских опосредований словесной идентичности. Если трактовать слово как ошибочную онтологическую проекцию, полагают Хоуторн и Лепори, то занять какую-то одну определенную позицию в качестве единственно истинной представляется проявлением **шовинизма**.

Но как быть с аналогией сохранности смысла слова с идентичностью личности? Если следовать метафизическому руководству внутреннего раскола личности, то тогда можно признать, что с самого начала, т.е. всегда в одном человеке существовали две личности. Но признать, что с самого начала в одном слове существовали *два слова*, кажется противоестественным. Похожая на лексему концепция слов, даже снабженная орудиями теоретической лингвистики, может оказаться не более чем ошибочной смесью поверхностности и неопределенности смысла слова.

Последовательный эмпиризм, усматривающий сущность слова в его первоначальной, исходной связи с обозначаемым объектом, как и абстрактно-артикуляционная модель, выво-

дящая смысл из комбинаций абстрактных словообразований, проходят мимо ключевой субстанции слова, превращающей человека в субъект творческой деятельности.

Практическая реализация этих моделей в ткани жизни рождает «мертвое» слово. В определенных социальных ситуациях эта тенденция приобретает доминирующий характер. Это хорошо поэтически выразил Николай Гумилёв:

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Николай Гумилёв «Слово»

«Лекарство» от смерти слова, как представляется, можно получить, если понять происхождение языка. Именно в происхождении языка должна находиться отгадка парадокса Слова.

4. Загадки происхождения языка

Если субстанция слова обусловлена происхождением языка, в котором слово первоначально и обретает свою сущность, то, проясняя происхождение языка, можно разорвать порочный круг метафизики и эмпиризма в истолковании слова. На самом деле движение мысли от спекулятивной метафизики к эмпирическому истолкованию сущности слова, а затем к неизбежному возрождению метафизического мышления может восприниматься как попадание в *замкнутый круг*, похожий на концептуальную мышеловку. Естественно предположить, что для того, чтобы выбраться из него, необходимо опереться на научные данные. Это, прежде всего, результаты антропологических и опытных исследований.

Полученные результаты и должны дать однозначный ответ на вопрос: откуда «взялся» человеческий язык, а значит, и слово – простая и в то же время загадочная реальность?

Дают ли новейшие научные исследования ответ на этот вопрос?

В 2007 г. в ИНИОН РАН была опубликована работа С.А. Бурлак «Происхождение языка: новые материалы и исследования»¹⁴, в которой были представлены в обобщенном виде базирующиеся на научных исследованиях ответы на поставленный вопрос. Это был своего рода когнитивный прорыв психологического барьера, существовавшего со второй половины XIX столетия. Известно, что Парижское лингвистическое общество в 1866 г. наложило запрет на рассмотрение работ, посвященных проблемам происхождения языка. Однако во второй половине XX в. наблюдается нарастание потока исследований в этой области. С.А. Бурлак высказала суждение, согласно которому к началу нового тысячелетия обсуждение проблемы происхождения человеческого языка вышло на вполне научный уровень»¹⁵. При этом умозрительные работы выносились за «скобки» научных границ. Философские размышления кажутся «простыми историями» сравнительно с данными этологии, нейрофизиологии, генетики, психолингвистики, археологии и антропологии. Эта «тяжелая артиллерия» науки должна была пробить любые крепостные стены.

Как отвечает на вопрос о происхождении языка комплекс этих наук?

Прежде всего, считается закономерным обращение к новым знаниям об ископаемых гоминидах. Что оно дает? Это обращение позволяет окончательно поставить крест на гипотезе «мозгового Рубикона», т.е. необходимости для появления речи достижения объема мозга в

---

¹⁴ См.: Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2007. – 80 с.

¹⁵ См.: там же. – С. 4.

750 см³. Оказывается, у некоторых типичных архантропов объем мозга уменьшается пропорционально уменьшению тела и достигает 400 см³. Другой аспект проблемы – *членораздельная речь*. К числу анатомических признаков, наиболее важных для происхождения членораздельной речи, относили *низкое положение гортани*. Однако исследования показали отсутствие у современных людей надежной корреляции между этими факторами. Важным качеством языка человека считается способность произносить длинные высказывания. Без этого невозможен синтаксис. Эта способность связывалась с шириной позвоночного канала. Однако, как оказалось, *прямоходящие архантропы имели позвоночный канал примерно той же ширины, как и другие приматы*. Происхождение языка связывалось с *возникновением специфических выпуклостей на внутренней поверхности черепа* в областях, где у людей находятся речевые центры (поле Брока и поле Вернике). Однако границы зон Брока и Вернике бывают не вполне очевидны даже при изучении мозга живых людей¹⁶.

Хорошая наука кажется совпадающей с открытием конкретного явления, которое и есть очевидная *причина* происхождения языка. Но это представление, как ни странно, может подтолкнуть исследователя, отвергающего традиции классической философии, к попаданию в объятия *плохой философии*.

В качестве примера можно привести суждение, как бы «научно» фиксирующее реальный процесс: «В процессе онтогенеза (не только у детей, но и у взрослых) язык как бы блуждает по коре, выбирая... где ему “угнездиться”»¹⁷. В этих «научных» категориях язык предстает как субъект, самостоятельно принимающий решения о своем пространственном местонахождении. Характеристика его перемещения («как бы блуждает») допускает, что субъект не совсем точно ориентируется в обстоятельствах и действует методом проб и ошибок, выбирая свое местонахождение.

Таким образом радикальный подход, снисходительно относящийся к традициям философии, вынужден следовать *своей* крайне примитивной, если не сказать, *убогой* «философии».

Высказывались суждения, согласно которым для возникновения языка важное значение имеет *асимметрия мозга*. Но асимметрия мозга обнаруживается у самых разных животных¹⁸ – у млекопитающих, птиц и земноводных.

Считается, что огромное значение для понимания происхождения языка имеет обнаружение «зеркальных нейронов», которые сыграли важную роль в формировании поведенческого подражания, что помогло формироваться и *звуковому* подражанию. Но это не решение проблемы происхождения языка, поскольку речь идет о подражании уже существующему языку, происхождение которого и следовало бы объяснить.

Перспективным представляется путь, ведущий от естественных способностей развитых животных, таких как дельфины и приматы, к человеческим свойствам. Имеется в виду, что процесс совершенствования механизмов манипуляции с различными предметами влечет за собой развитие мышления, которое может получать свою внешнюю реализацию в формах звука. Разве это не праязык, который в процессе естественного отбора и осуществляет «скачок» к языку человеческому?

Обработанный шимпанзе предмет, который используется для решения какой-то конкретной задачи, – это свидетельство «обратного моделирования», т.е. наличия образа предмета в сознании обезьяны и «плана» его реального использования. Значит, у шимпанзе имеется цель,

---

¹⁶ См.: Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2007. – С. 4–10.

¹⁷ Козинцев А.Г. Происхождение языка: Новые факты и теории. Цит. по: Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2007. – С. 11.

¹⁸ Бианки В.Л. Асимметрия мозга животных. – Л., 1985. – 295 с.

наличие орудия, которым она обрабатывает материал, превращая его в новое орудие, позволяющее ей достигнуть поставленной цели.

Возникает вопрос: почему же она не начинает пользоваться членораздельной речью и не создает свой язык? Быть может, она все же *имеет свой язык*, но отличный от языка человека? Исследователь, возможно, совершает ошибку, если ожидает, что обезьяна должна заговорить именно человеческим языком? Но тогда следует допустить существование языка и у *дельфинов*, поскольку они обладают механизмами звуковой коммуникации, признать наличие языка *птиц*, как разговорного, так и певческого.

Очевидно, однако, что этим путем мы уходим от проблемы, даже отрицаем ее существование, поскольку начинаем толковать сущность языка как тождественного звуковой коммуникации, существующей в животном мире.

Кажущиеся перспективными попытки увязать происхождение языка с верхнепалеолитической революцией с ее технологией пещерной живописи и с возникновением таких форм социальности, которые позволяли сосредоточиваться на создании орудий, требующих длительной обработки, специальных навыков в осуществлении большого количества операций, представляются *сугубо гипотетическими*, поскольку прямая связь технологии и рождения языка не устанавливается. Свои загадки порождает и попытка найти решение проблемы происхождения языка в *генах*. Однако до сих пор наука не может дать однозначного ответа и на вопрос о родословном древе человека. На роль его исходного предка (если не считать Адама) имеется по крайней мере *семь претендентов*¹⁹.

Открытие генов, играющих важную роль в функционировании языка, стало толчком для поиска той мутации, которая должна была привести к формированию речевого аппарата, изменению формы черепа, позволившим перестроить работу мозга и «вложить» в него языковую способность.

Однако получение таких результатов изменением молекулы ДНК некоторые исследователи сравнивают со сборкой самолета смерчем, пронесшимся по свалке²⁰

---

¹⁹ См.: Бурлак С.А. Происхождение языка: Новые материалы и исследования: Обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2007. – С. 19.

²⁰ Пинкер С. Язык как инстинкт. – М., 2004. – С. 343. Цит. по: Бурлак С.А. Указ. соч. – С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.